

Богословские особенности Евангелия от Иоанна.

Дуализм Иоанна. Слово «дуализм» происходит от латинского *dualis* — двойственный. «Дуализм» Евангелия виден в частом использовании противоположных понятий, антонимов: дух и материя, идеальное и материальное, свет и тьма и так далее.

«Дуализм» Иоанна Богослова может быть назван вертикальным: противопоставляются два мира – верхний и нижний: «Он (Иисус) сказал им (иудеям): вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира» (Ин.8.23). В первых трёх евангелиях встречается дуализм, но он может обозначаться уже как горизонтальный: это противопоставление двух веков, двух времен – этого века и Века грядущего.

Другой характерной чертой дуализма Иоанна Богослова является использование понятий «тьма» (σκοτία) и «свет» (φῶς). Нижний мир есть царство тьмы, в то время как высший мир – это царство света. Христос сошёл в царство тьмы, чтобы принести сюда свет. Свет и тьма предстают как два конфликтующих принципа: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин.1.5). Сам Иисус – есть свет («Опять говорил Иисус к народу и сказал им: Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни», Ин.8.12).

Также противопоставляются между собой плоть и дух (σάρξ и πνεῦμα). Плоть принадлежит к низшему миру, а дух – к высшему. Плоть не греховна, как в некоторых словах апостола Павла, но символизирует слабость и бессилие низшего царства. Плоть возвышается, даже, до высшего мира – «И Слово стало плотию, и обитало с нами» (Ин.1.14). Плоть, таким образом, становится часто синонимом человеческой природы («Рожденное от плоти есть плоть», Ин.3.6). Люди должны родиться свыше, то есть родиться от Духа, ведь «Бог есть дух» (Ин.4.24) и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине, то есть поклонение, в котором действует Дух Божий (πνεῦμα ὁ θεός).

Понятие «мир» (κόσμος – мир, космос) занимает большое место в евангелии и имеет несколько значений. «Космос» у Иоанна – это сотворенный миропорядок и земля в частности, как место обитания человечества, что соответствует иудейским выражениям пришествие в мир, пребывание в мире, уход от мира, то есть родиться, существовать и умереть. Нигде у Иоанна не говорится, что мир есть просто зло. Отрицания мира как только греховного начала, подобно воззрений гностиков, также нет. Сотворенный мир продолжает оставаться Божьим миром.

«Космос» у Иоанна обозначает не только мир, но и населяющее его человечество, то есть сами люди. Фразу «Бог возлюбил мир» (Ин.3.16) можно понимать в смысле, что Бог возлюбил людей. Иисус Христос же пришел в мир, чтобы взять на Себя грехи этого мира: «сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос» (Ин.4.42).

В вышеперечисленных значениях «космос» у Иоанна и в синоптических евангелиях практически не отличается. Однако у Иоанна есть и нечто другое - люди рассматриваются как противопоставленные Богу существа, грешный, непокорные, падшие. В космосе присутствует зло: «Я Иисус) свидетельствую о нем, что дела его (мира) злы» (Ин.7.7). Зло не признает ни Бога («Отче праведный! и мир Тебя не познал», Ин.17.25), ни Его посланников, ни Христа («В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал», Ин.1.10). Это происходит не потому, что зло присуще миру от природы, но потому, что отвернулось от своего Творца и поработчено силами зла.

Мир также противопоставляется ученикам Иисуса. Раньше они принадлежали этому миру, но теперь избраны и принадлежат Христу («Я открыл имя Твое *человекам, которых Ты дал Мне от мира*; они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твое», Ин.17.6), хотя и продолжают жить в мире («Я уже не в мире, *но они в мире*», Ин.17.11). Мир ненавидел Иисуса, поэтому ненавидит и Его последователей («Если *мир вас ненавидит*, знайте, что *Меня прежде вас возненавидел*», Ин.15.18; «*мир возненавидел их*, потому что *они не от мира, как и Я не от мира*», Ин.17.14). Ученики должны не удаляться от мира, но жить в нем, руководствуясь любовью к Богу, а не любовью к миру. Миссия учеников Иисуса Христа – продолжение миссии Учителя («Как Ты послал Меня в мир, *так и Я послал их в мир*», Ин.17.18), чтобы люди могли узнать Благою весть и спастись от зла этого мира. Многие из мира примут свидетельство учеников Иисуса («да уверует мир, что Ты послал Меня», Ин.17.21) и поверят в Него, даже Его не видя («блаженны невидевшие и уверовавшие», Ин.21.29).

Сатана. В Евангелии от Иоанна, как и в синоптических, мир рассматривается находящимся во власти зла, называемого дьяволом (διάβολος; Ин.8.44; 13.2) или сатаной (от еврейского שָׂטָן, *сатан* — «противник», «клеветник»; σατανᾶς; Ин.13.27). Он назван, как и апостола Павла, князем мира сего (ἄρχων τοῦ κόσμου τούτου ; Ин.12.31). Задача дьявола помешать исполнению замысла Бога. Дивол и истина несовместимы, потому что он – отец лжи. Сатана пытался одолеть Христа, но Иисус на кресте побеждает сатану.

Грех – это неверие. Человеческий грех – это зависимость от бесовских сил, то есть полное отчуждение от Бога. Если человек не поверит в Иисуса как Христа, он умрет во грехе («вы умрете во грехах ваших; ибо если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших», Ин.8.24). Грех – это тьма. Но Бог не покинул этот мир. Свет сияет во тьме. Грех заключается в самом неверии. Если люди не уверуют, они погибнут, а верующий будет иметь жизнь вечную («Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы *всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную*», Ин.3.16).

Иоанн Богослов отмечает, что Иисус ознаменовал начало новой эпохи, в которой всё предсказанное в Ветхом Завете стало реальностью. Моисею

был дан закон; благодать и истина даны же через Иисуса Христа (Ин.1.17). Иисус Христос для Иоанна, как реального иудея, и является исполнением ветхозаветных мессианских надежд, подтверждается и употреблением по отношению ко Христу определенных наименований: Мессия, Царь Израилев, Сын Человеческий, Сын Божий.

Особое внимание Иоанн отдает теме христологии, которая становится основной темой, ввиду того, что вечная жизнь зависит от правильного отношения человека-читателя ко Христу. В прологе Иоанн называет Иисуса Христа Логосом (λόγος), который стал плотью (σὰρξ, Ин.1.1, 14). Христос Себя Логосом не называет, хотя многое, что Он говорит о Себе соответствует богословию Логоса. Термин «Логос» по отношению ко Христу встречается только в писаниях Иоанна (Ин.1.1; 1Ин.1.1 –«Слово жизни»; Апок.19.13 – «Имя Ему: "Слово Божие "»). Видимо, Иоанн сознательно избрал этот термин, широко известный как языческому, так и иудейскому миру, чтобы подчеркнуть значение Христа для спасения человека. Согласно Иоанну Логос существует вечно как личность и имело место воплощение Логоса, чему он и другие были свидетелями: «И Слово стало плотью, и обитало с нами» («καὶ ὁ λόγος σὰρξ ἐγένετο καὶ ἐσκήνωσεν ἐν ἡμῖν», дословно – «поселилось у нас», Ин.1.14). Иисус Христос и Сам говорит о Своём вечном существовании –«прежде нежели был Авраам, Я есмь» (Ин.8.56). Христос также говорит о Своей Славе прежде бытия мира («славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира», Ин.17.5).

Иоанн использует идею Логоса для провозглашения божественности Христа. Логос был у Бога, и Логос был Богом. Слово было божеством, но Слово не было полностью идентично с Ним. При этом Логос был действующим Лицом сотворения мира. Эта христология Иоанна схожа со взглядом апостола Павла – «у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос, Которым все, и мы Им» (1Кор.8.6).

Выражением «Слово стало плотью» (Ин.1.14) Иоанн хочет подчеркнуть, что Сам Бог в образе Слова вошёл в человеческую историю не как призрак, но как живой человек во плоти, то есть речь идет о присутствии Бога среди людей.

Логос приходит в мир людей не только по плоти, но и как откровение. Он являет людям жизнь, свет («В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков», Ин.1.4), благодать, истину («Слово...обитало с нами, полное благодати и истины», Ин.1.14), славу и даже Самого Бога («и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца», Ин.1.14). Правда, «Бога не видел никто никогда», однако «Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин.1.18). Это богословие пролога свойственно всему четвёртому евангелию, но, более точно, - богословие, выраженное в прологе, отображается и доказывается на всех последующих страницах самого евангелия.

В Евангелии от Иоанна с самого начала звучит и еще одна христологическая тема – тема мессианства Христа. Иоанн свидетельствует,

что будущий апостол Андрей исповедует апостолу Петру, что он встретил Мессию («Андрей, брат Симона Петра. Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Христос», Ин.1.41). На следующий день Нафанаил признает Иисуса Сыном Божиим и Царем Израилевым («Нафанаил отвечал Ему: Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев», Ин.1.49). Вход Иисуса в Иерусалим описывается в евангелии как пришествие Царя Израиля («взяли пальмовые ветви (символ приветствия царя), вышли навстречу Ему и восклицали: осанна! благословен грядущий во имя Господне, Царь Израилев!», «Не бойся, дочь Сионова! се, Царь твой грядет, сидя на молодом осле», Ин.12.13, 15). Однако, Иисус входит в Иерусалим, сидя на молодом осле, который собой символизирует отнюдь не политическую мощь нового царя, а мир царя своему народу. Пилату Иисус говорит, что Его власть не от мира сего – «Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда» (Ин.18.36). Некоторые высказывания Иисуса Христа (например, «женщина ... и говорит людям: пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос?», Ин.4.29; или «Другие говорили: это Христос. А иные говорили: разве из Галилеи Христос придет? Не сказано ли в Писании, что Христос придет от семени Давидова и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид?», Ин.7.41-42; ср. Ин.3.28; 7.31; 9.22; 10.24) и Его деяния побудили некоторых людей верить в Него как Мессию, хотя не всегда Он соответствовал тому, как они себе Его представляли.

Сын Человеческий. В Евангелии от Иоанна, как и в синоптических евангелиях, выражение Сын Человеческий (ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου) употребляется только Самим Иисусом по отношению к Самому Себе. Христа так никогда не называли ни ученики Его, ни народ. Люди даже не понимали значение этих слов – «Сын Человеческий», и не связывали его с Мессией. Иудейское понимание этого выражения было, зачастую, прямым – это просто человек, который испытывает немощь перед Богом. Евангельское понимание более близко к александрийскому – к некоему космическому Первочеловеку, созданному в начале творения. Поэтому термин ко времени написания евангелия мог применяться на Ближнем Востоке в антропологическом, мессианско-эсхатологическом и философско-космическом смыслах. По Иоанну, Сын Человеческий был «небесным», сверхъестественным существом, пришел к людям, пройдет через страдания, будет вознесен, что является основой Его прославления. Его смерть была не просто человеческой трагедией, но средством повторного вступления во славу, из которой Он и пришел. «Ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира» (Ин.17.5). И только, и именно Сын Человеческий единственный, Кто сошел с небес и вознесется на них («Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах», Ин.3.13).

Сын Божий (ὁ υἱὸς τοῦ θεοῦ). В Евангелии от Иоанна Иисус Христос чаще, чем в других евангелиях, называет Себя Сыном Божиим открыто. Иисус Христос – не просто Мессия, Но Он – Сын Божий («Сие же написано, дабы вы уверовали, что Иисус есть Христос, Сын Божий», Ин.20.31). Он – едиnorodный от Отца (Ин.1.14. Иоанн Креститель признаёт Иисуса Сыном Божиим в самом начале Его служения («И я (Иоанн Креститель) видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий», Ин.1.34). Иоанн Богослов подчеркивает, что Иисус – единственный, уникальный Сын Божий, единственный в Своем роде, отличный от других (Он – едиnorodный).

Сам Иисус Христос нигде не говорит о Боге «наш Отец», то есть не уравнивает Себя с учениками в отношениях с Богом. Напротив, выделяет Себя, когда, уже Воскресший Иисус говорит Марии Магдалине: «восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему» (Ин.20.17). Иисус послан Отцом, а деяния Христа – это деяния Самого Бога. Его слова – это слова Бога, пославшего Его («слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшего Меня Отца», Ин.14.24). Иисус видел Отца, знает Отца, Отец знает Сына.

Миссия Сына. Миссия Сына состоит в исполнении воли Отца, поэтому Сыну дана власть над всем («Отец любит Сына и все дал в руку Его», Ин.3.35). Он и Отец – одно («Я и Отец – одно», «ἐγὼ καὶ ὁ πατήρ ἓν ἐσμεν», Ин.10.30). Значит Иисус требует от человечества такого же почитания, что и Бог («дабы все чтили Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его», Ин.5.23).

Вера в Иисуса Христа как Сына Божия – источник жизни вечной («Воля Пославшего Меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную», Ин.6.40; ср. Ин.3.35; 10.10). Однако миссия спасения предлагает смерть Иисуса – «жизнь Мою полагаю за овец» (Ин.10.15; ср.10.11), - говорит Христос. Его смерть – это сознательный поступок («Никто не отнимает ее у Меня, но Я Сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть имею опять принять ее», Ин.10.18).

Божественность Сына. Сын Божий не является просто избранным посвященным. Он обладает божественной природой. Иоанн указывает на эту божественность в первой же фразе: «Слово было Бог» («καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος», 1.1). Иисус исповедан Богом не Иоанном, а Сам осознаёт и говорит о Своем единстве с Отцом. Об этом говорят известные слова Христа, начинающиеся как «Я есмь». В Евангелии от Иоанна враждебность иудеев против Христа объясняется тем, что Иисус претендовал на Свое равенство с Богом – «И еще более искали убить Его Иудеи за то, что Он не только нарушал субботу, но и Отцем Своим называл Бога, делая Себя равным Богу», Ин.5.18; ср.10.33). Иисус не опровергает этих обвинений, но, в то же время, постоянно указывает на различие между Собой и Отцом. Сын был послан Отцом и повинуется повелениям Отца («Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его любви», Ин.15.10). Его слова – это по сути слова Отца («Разве ты не веришь, что Я в Отце и Отец во Мне? Слова, которые говорю Я вам, говорю

не от Себя; Отец, пребывающий во Мне, Он творит дела», Ин.14.10). Иногда, Христос говорит, что Отец более велик, чем Сын – «иду к Отцу; ибо Отец Мой более Меня» (Ин.14.28).

Человеческая природа Иисуса. Иисус предстает в евангелии не только как Сын Божий, Он изображается также как человек. Как у обыкновенного человека у Него есть родные. Он гостит на свадьбе с матерью и братьями в Кане Галилейской. В Капернауме Он пробыл некоторое время со Своими родными («После сего пришел Он в Капернаум, Сам и Матерь Его, и братья его, и ученики Его; и там пробыли немного дней», Ин.2.12). Он страдает от жажды и усталости во время путешествия по Самарии («Иисус, утрудившись от пути, сел у колодезя», Ин.4.6). Его братья читают Ему нравоучения по поводу Его поведения, прося Его – «яви Себя миру» (Ин.7.4). Он переживает о смерти близкого друга Лазаря и плачет на его могиле. Он Сам называет Себя Человеком: «А теперь ищите убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога» (Ин.8.40). На кресте Он заботится о Своей матери (Ин.19.25-26). Его человеческие страдания на кресте выражаются в слове «жажду» (19.28).

В целом, по Иоанну Богослову, Иисус равен Богу; Он – Бог во плоти; но в то же время Он – Человек. В этом отношении Иоанн Богослов углубляет представление о Христе синоптических евангелий.